

Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов

Авторы:

Костин Анатолий Иванович

Изотов Владимир Сергеевич

Статья написана в обновленной исследовательской парадигме глобалистики, упраздняющей представления о глобализации как нарастающей однотипности мира. Фиксируется планетарный тренд - сегментация глобального пространства на несколько конкурирующих мегарегионов (интеграционных систем). Процессы объединения государств в интеграционные системы формируют принципиально новую топологию пространства. Планетарная структура ближайшего будущего видится авторам как интеграционно-конфронтационный полицентризм. Внутри интеграционных систем особое внимание исследователей требует взаимное соотношение (детерминирование) политики, экономики и идеологии, составляющее «интеграционный треугольник». Отмечается значительный потенциал для исследований в области идеологии интеграционных систем. Анализируются «точки уязвимости» новой реинтеграционной системы на постсоветском пространстве - Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Обращается внимание на недостаточное внимание к политическим рискам евразийской интеграции. В заключение намечены пути для дальнейших исследований интеграционной проблематики инструментами политологии и глобалистики.

Ключевые слова: глобализация, мировая политика, глобалистика, интеграция, интеграционная система, «интеграционный треугольник» интеграционно-конфронтационный полицентризм, политические пространства, «интеграционный треугольник», идеология, «мягкая сила», «умная сила», политические риски, ЕАЭС.

SUMMARY

The authors of the article use the paradigm of Post Global Studies, in which the idea of globalization as a process of making a one-type world, is recognized as outmoded. The main feature is segmentation to the several mega regions (systems integration), that will compete with each other. The authors predict that the further structure of the world will be the integrating-confrontational polycentrism. This is a new concept in the Russian political science. It's needed to make a narrow research of the correlation between policy, economics and ideology inside the integration systems and these three parts are so called «triangle of integration». The article analyses of the Eurasian Economic Union (EEU), which is the most successful post-Soviet reintegration system and may become the most advanced organization for regional cooperation of the former Soviet bloc, examines its prospects and weak points. The article draws attention to the political risks of the integration systems, first of all concerning EEU. The authors of the article outline the further research of the integration process using methods of political science and global studies.

Key words: *EEU, global studies, ideology, integration, integrating-confrontational polycentrism, political risks, «smart power», «soft power», «triangle of integration», world policy.*

Несколько лет назад авторы данной статьи, анализируя отражение кризиса 2008 г. в мировом политическом пространстве, прогнозировали изменение масштаба глобальных процессов.¹ Высказывалось предположение о возможной активизации региональных интеграционных стратегий в условиях девальвирования однополярной системы. Важнейшие действия будут осуществляться в рамках децентрализованных экономических парадигм, предполагающих конструирование новых или трансформацию существующих региональных объединений, способствующих эффективному решению «частных» государственных вопросов за счет участия в интеграционных системах.

Процессы экономической, политической и культурной интеграции, формируют принципиально новую топологию планетарного пространства. Соответственно наука о международных отношениях, глобалистика и ряд смежных дисциплин, от политической философии до геополитики, перенастраивают методологию и исследовательский аппарат на изучение интеграционных процессов.

Государственные союзы в различных формах – от зон свободной торговли до политических сообществ становятся ведущей мировой тенденцией. Как отмечал Иммануил Валлерстайн, парадигма «национального (экономического) развития», выдвинутая после Второй мировой войны сменилась нацеленностью на наднациональное экономическое развитие в рамках интеграционных объединений.² Государства, реагируя на глобальные риски, вынуждены начать коллективную игру в пространствах транснациональной интеграции для решения национальных проблем. При этом образующиеся системы не дополняют друг друга, как это планировалось в послевоенной экономической парадигме, а начинают остро конкурировать между собой. Динамика глобализма во многом является следствием этих процессов и формирует одну из магистральных тенденций современности.

Устойчивым трендом глобалистики и международных отношений становится изучение и прогнозирование перестройки политической и регионально – экономической модели мира. Актуализация же парадигмы глобалистики, отменяющей представления о глобализации как нарастающей однотипности мира, связана с несостоятельностью обязательного для всех либертаристского трека и основана на прогнозах о сегментации пространства на несколько мегарегионов по модели ЕС. С наднациональными институтами, правовыми нормами, финансовой политикой и собственной валютой.

Ключевой характеристикой этих процессов, рассматриваемых как основное следствие глобализации, является «несовпадение пространств». Политические, экономические и идеологические ареалы утратили географическое соответствие, нарушив упорядоченность и управляемость в мировой политике. До этого теорий «равновесия

---

¹ Костин А.И., Изотов В.С. Глобальный кризис в зеркале мировой политики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009 № 5. С. 30-40.

² Валлерстайн И. После либерализма. М. 2003 С. 222

мира» связывали с сотрудничеством между государствами и множеством новых акторов различного происхождения.³ Сегодня такой подход устаревает, и на первое место выходят взаимодействия между крупными интеграционными системами, соотношение политики, экономики и идеологии в которых может быть различным. Такие союзы как ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН, АПТ (АСЕАН+3) вбирают в себя государственные суверенитеты и начинают конкуренцию за глобальное влияние. При этом модель и опыт ЕС берутся за основу как наиболее успешный пример интеграции. На постсоветском пространстве внимание приковано к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) – обновленной реинтеграционной системе, получившей международную правосубъектность с 1 января 2015 года.

«Интеграция» понимается здесь как объединение двух и более стран в более широкую системную общность через поэтапное делегирование суверенитета надгосударственным структурам. Главный принцип: «вместе – сильнее», а основная цель: повышение статуса в глобальной иерархии стран и интеграционных систем. В статье используется термин «интеграционная система», как наиболее точно отражающий системный характер крупных интеграционных объединений во всей сложной взаимосвязи трех основных факторов – экономики, политики, идеологии. Соответственно вводится понятие «интеграционного треугольника», вершинами которого являются политика, экономика и идеология.

Как представляется авторам, взгляд на интеграционные процессы с точки зрения теории международных отношений и глобалистики, способен оказать воздействие на становление новых и пересмотр устоявшихся теорий в рамках трех классических парадигм международных отношений. Это во многом обуславливает актуальность статьи. Анализ внешней политики государств, её роли в намечающейся перегруппировке центров влияния, сегодня не может игнорировать фактор вовлеченности страны в интеграционные системы. Кроме того, с учетом их возрастающей роли в мировой политике и экономике, возможна трансформация подхода к вопросу «акторности». Вместе с этим влияние оказывается и на дискуссионную проблему «эрозии» суверенитета государств. Его эволюция может рассматриваться не в традиционном смысле его «ослабления» по отношению к новым игрокам мировой политики (ТНК, НПО, НКО, инвестиционные фонды, рейтинговые агентства), а с точки зрения «поднятия» суверенитета и его диссолюции в наднациональных экономических суперструктурах. Примечательна с этой точки зрения взаимосвязь «новых акторов» с процессами интеграции. Поэтому, одной из главных причин суммарности усилий стран в интеграционных системах становятся попытки стран снизить степень зависимости от транснационального капитала. Согласно теориям интеграции, объединенные системы эффективнее протекционируют собственную экономическую (и политическую!) сферу от наступления международных монополий.

---

³ Например: Rosenau James, Czempiel Ernst. Governance without Government. Order and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1992; Ferguson Niall. A world without power. Foreign Policy, July/August 2004.

Наконец, с точки зрения глобалистики, начавшийся процесс деления мирового пространства на сферы влияния интеграционных систем, может быть рассмотрен в свете возможных ответов на вызовы глобализации как необратимого, неоднозначного и противоречивого процесса. Интересно сопоставить такой подход с теориями «мифологической глобализации», описывающими политико-экономическую динамику современности (в противовес апологетики глобализации) как ярко выраженную регионализацию с усиливающейся иерархичностью интеграционных блоков. Подходы, в которых глобализация рассматривается только как очередной этап экономической интернационализации, все ещё сохраняют значимость. Некоторые исследователи продолжают отстаивать точку зрения, заключающуюся в том, что современный уровень политической и экономической кооперации не выше, чем в конце XIX века.

Одной из задач статьи является концептуализация интеграционных процессов как множественных политических, экономических, социокультурных и институциональных форм. Вместе с тем авторы надеются, что работа поможет задать параметры для исследования интеграционных систем в пространстве глобализации. А также создать определенные идентификаторы - переменные, позволяющие обновить аналитические подходы к проблеме. При этом влияние приобретают не только экономические, но и политические факторы, а также идеологические стратегии. «Внешние» - для зарубежной аудитории, прежде всего, инвесторов. «Внутренние» - для граждан и национального бизнеса.

Структура статьи представляет собой три основные части. В первой из них представлено теоретическое измерение интеграционных процессов. Дан краткий обзор основных подходов, приведены оценки неоднозначного процесса современной регионализации ЕС как тенденции, противодействующей европейской интеграции. Вторая часть рассматривает ключевой вопрос данной работы - политические, экономические и идеологические составляющие в интеграционных системах. Анализируется соотношение, взаимозависимость и степень взаимной детерминации вершин «интеграционного треугольника». Закрепляется понятие «социоэкономической дилеммы» интеграции. На основе анализа делается важный вывод о недостаточном внимании к политическому контексту интеграционных процессов. Заключительная часть работы сфокусирована на перспективах, преимуществах и рисках развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Завершают статью выводы и аналитические заключения, намечающие, в том числе, пути для дальнейших исследований интеграционной проблематики инструментами политологии и глобалистики.

***

Теоретические исследования соотношения политических и экономических факторов интеграционных процессов связаны с тремя основными теориями - неофункционализмом, теорией коммуникаций и «межправительственным подходом». Концепции получили развитие в западной политической науке с конца 50 – х гг. прошлого века и стали «теоретической производной» от двух фундаментальных процессов: мировой деколонизации и многоуровневой интеграции в ЕС. В работах зарубежных исследователей интеграция была представлена как процесс, в ходе которого участники

национальной политической жизни склоняются к тому, чтобы переориентировать свое доверие, устремления и поведение на новый, наднациональный центр власти, институты которого уже наделены определенной юрисдикцией или реально претендуют на ее получение.⁴

Прослеживается четкая связь интеграционных подходов с теориями транснационализма, акцентирующими пространственное измерение политики. Независимо от политического или экономического «наполнения», интеграция всегда создает качественно новое пространство. При этом особое значение приобретают наднациональное взаимодействие, в том числе, в рамках коалиций. В отечественной политической науке интерпретация и развитие подхода связаны с работами П.А. Цыганкова.⁵⁶ В современных субтеориях, которые мы затронем после краткого анализа трех основных направлений, представляет интерес исследование процессов внутри ЕС.

Исследование эволюции и перспектив интеграционных процессов получили наибольшую популярность во второй половине XX века, в теории неофункционализма. Логику развития интеграции по мере её приближения к финальной стадии стали описывать англоязычным термином «spillover», подразумевающим распространение («перелив», «выплескивание») экономических эффектов интеграции на другие сферы – политические, социальные, культурные. Неофункционализм, его методология и основные гипотезы приобрели значительное влияние в академической среде. Ведущие ученые этого направления - профессор Пенсильванского университета Джеймс Капоразо, Эрнст Хаас, Томас Рисс, Мария Коулес и другие.⁷

Перспективный исследовательский подход к интеграционным процессам нашел крупный американский политолог прошлого столетия Карл Дейч, поместив в фокус внимания зависимость между интеграцией и социальной коммуникацией⁸. Рассматривая интеграцию как форму организации социума, он анализировал способность экономической конвергенции формировать крупные социально-психологические пространства. Дейч пришел к выводу, что интеграция при успешном сочетании ряда факторов способна формировать политические сообщества. При этом важнейшими нормативными ценностями становятся правила, обычаи и ценности в «пространстве культуры». Общность культуры фиксирует их отличие от внешнего окружения и обеспечивает повышенный уровень доверия и взаимодействия в своем кругу.⁹ Понимание кооперативного взаимодействия как многоуровневого процесса, происходящего в едином смысловом пространстве, дало основания Дейчу перенести на теорию интеграции ряд

---

⁴ Транснациональные политические пространства: явление и практика. М. «Весь мир». 2011 С.171

⁵ См. например: Цыганков П.А. Транснационализм в науке о международных отношениях: Вклад Дж. Ная и Р. Кохэна. Теория международных отношений: Хрестоматия / М. 2002. С. 147–151

⁷ Одна из основополагающих работ: Haas E. Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organisation. Stanford 1965. См. также Risse Thomas. Neo-Functionalism, European Identity, and the Puzzles of European Integration Journal of European Public Policy №12/2005, pp. 291-309; Caporaso James A.. European Union: Dilemmas of European Integration (2000). Westview Press. 2000.

⁸ О «плюралистической» концепции К. Дейча касательно интеграционных систем см. Цыганков П.А. Международные отношения. М. 1996.

⁹ Транснациональные политические пространства: явление и практика. М. «Весь мир». 2011 С.172

базовых положений своей знаменитой «коммуникативной теории». В частности, такие понятия как «комплементарность», «коммуникативные сети», «информационные потоки». В дальнейшем эти идеи органично вошли в группу идеологов «европеизма», обращенного к надгосударственным институтам на основе чувства сопричастности к историческому прошлому, некогда существовавшему в правовой и лингвистической ойкумене Рах Романа. Ценный вывод Дейча заключался в том, что степень политической интеграции зависима от разделяемых ценностей в сфере национальной, массовой и политической культуры и чувства принадлежности к единому сообществу. В контексте дальнейшего содержания работы, отметим, что теория Дейча минимизирует политические риски в интеграционных системах, формирующихся на основе чувств «общности» и «сопричастности» граждан к процессам принятия решений и надгосударственного управления. Именно этого, как будет отмечено далее, недостает евразийской интеграционной системе - ЕАЭС. Применительно же к ЕС российский исследователь Юрий Борко отмечает: «Подавляющее большинство стран Западной Европы подошли к рубежу двух столетий, создав, по сути, новую культуру общественных и межгосударственных отношений и такую систему регулирования, которая позволяла «снимать» накапливающиеся противоречия в обществе и государстве».¹⁰

Третья теория, известная как «либеральная межправительственная школа», в какой-то степени оппонировала представленным выше наднациональным подходам. Ее сторонники отстаивают свои взгляды с точки зрения государственного центризма. Процесс интеграции воспринимается ими как большая многосторонняя игра по собственным правилам, производным от режимов успешного межправительственного сотрудничества. Поведение государств во много вынуждено и подчинено растущей экономической взаимозависимости как главному «эффекту глобализации». Национальные правительства рассматриваются не более чем рациональные агенты, действующие в интересах собственной выгоды. Государства вынуждены постоянно находить «соломоновы решения», снижающие агрессивное влияние внешней среды и чувствительные к запросам среды внутренней. Причем, в последнем случае действия во многом подчинены интересам олигархических элит и электоральным факторам. При этом, как будет показано ниже, такое влияние (точнее, его потенциальная угроза) используется антисепаратистский фактор, работающий на сохранение системы. Внутри этой достаточно разнородной группы теорий можно выделить работы американских авторов Эдварда Луттвака и Рихарда Розекранса. Первый из них ещё в 1970-е гг. экстраполировал геополитический анализ на процессы экономического соперничества и сотрудничества государств. Луттвак в своих работах наметил новый маршрут движения глобальных процессов - «от геополитике к геоэкономике».¹¹ Розекранс также интерпретировал международные отношения как соперничество торгово-экономических блоков, подготавливающее мир к эре «реалэкономики». В рамках такого подхода вопрос о соотношении, первичности и детерминации политических и экономических факторов решался в пользу последних. Одной из причин стало то, что интеграционные объединения, чья роль в международных отношениях постоянно растет, давали

---

¹⁰ Борко Ю. Свет и тени европейской интеграции//Россия в глобальной политике. №1. 2007

¹¹ См. например: Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics // National Interest №20. 1990; Luttwak E. Turbo-Capitalism, London: Orion Books. 1999.

исследователям все больше оснований для макроэкономической интерпретации мировых процессов, затушевывая политическую сферу.

Отдельное направление исследований сконцентрировалось на характере взаимодействия внутри мегарегионов, претендующих на роль полновесных центров глобальной структуры. Для значительной их части характерен скепсис по отношению к ЕС. Эрозия суверенитета внутри европейской интеграционной системы рассматривается в контексте экономического кризиса и сепаратистских тенденций.

Показательно мнение Михаэля Мардера, профессора философии Баскского университета. Испанский ученый обращает внимание на феномен «расщепления суверенитета» в европейской интеграционной системе, ставший особенно очевидным после долгового кризиса в 2009-2013 гг. Речь идет уже не о распаде классической модели суверенитета, но об угрозе прямой экономической зависимости стран, которые должны быть защищены интеграционными структурами. Неожиданно выяснилось, что государства, нуждающиеся в помощи, должны играть по правилам, частично сформулированным извне. То есть, из враждебного неинтеграционного глобального пространства. При этом контроль над макроэкономической политикой, важнейшей составляющей суверенитета, переходит к «Тройке» кредиторов - ЕК, ЕЦБ, МВФ. Важно, что последняя организация не принадлежит к европейским наднациональным структурам, которым страны добровольно делегировали часть полномочий при вступлении в ЕС. Таким образом создаются прецеденты вмешательства в интеграционные объединения, в результате которого суверенитет экономически слабеющих стран расщепляется на несколько частей. Ярким примером являются внешние «антикризисные» стратегии по отношению к Португалии, Греции, Республике Кипр. По мнению Мардера, парадокс ситуации состоит в том, что директивные органы, управляющие европейской интеграцией, избирательно присвоили себе важные элементы экономического суверенитета. Фактически суверенитет перемещен с надгосударственного (интеграционного) на глобальный уровень, к «Тройке» кредиторов и даже - к международным рейтинговым агентствам. Последние могут решающим образом влиять на экономическую политику, избегая при этом политической, юридической и финансовой ответственности за возможно ошибочные оценки.¹²

Пессимистические сценарии европейской интеграции периодически генерируются и в США. Один из форсайтов в рамках доклада «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры», подготовленного Национальным разведывательным советом, прогнозирует «предельное сжатие» процесса евроинтеграции. Аналитиками смоделирован сценарий «стагнация», при котором из еврозоны может выйти Греция и другие страны на периферии ЕС. Прогноз также предполагает, что в коалиционных правительствах европейских стран будет увеличиваться доля партий националистической и ультраправой ориентации. Интеграционной производной от политических изменений станет ситуация, при которой к 2020 г. в Европе останется небольшая лишь зона свободной торговли. Последние события повышают степень внимания к подобным прогнозам. Результаты выборов в Европарламент в мае 2014 г. выявили радикализацию наднационального поля

---

¹² Marder Michael. Rating Sovereignty <http://www.humanitariannews.org/20121112/rating-sovereignty>

наряду с усиливающимся сепаратизмом ряда регионов, прежде всего, Шотландии, Каталонии, Фландрии.

Последние события в ЕС запустили процесс обновления исследований политических кризисов внутри интеграционных систем. При этом наблюдается парадокс, заключающийся в том, что благополучные регионы ЕС, воспользовавшись благами интеграции (доступ к центральному финансированию, свобода перемещения граждан, услуг, капиталов) пытаются через сепаратизм подорвать механизмы, обеспечивавшие этот самый экономический рост.

Например, Великобритании пока удается сохранять единство, апеллируя к внешним угрозам, к общему европейскому «пространству ценностей и деятельности». Именно на этом построил антисепаратистскую риторику премьер-министр Дэвид Кэмерон в обращениях к шотландцам накануне референдума в сентябре 2014 года. Смысловый код обращений Лондона к Эдинбургу был достаточно ясным: за пределами национального государства – геополитическая пустота, вакуум власти, гоббсовская «война всех против всех», возможно, без защитного зонтика НАТО.¹³

Как доказывает в одной из своих фундаментальных работ известный макросоциолог Ульрих Бек, современные национальные государства поддерживают форму во многом благодаря постоянной информации об угрозах, а их признанная дефиниция ведет к глобальным нормам, переговорам и совместным действиям.¹⁴ Если соотнести это с тем, что вопросы автономий перед центральными правительствами ставят, как правило, зажиточные регионы, можно сделать следующее предположение. В ближайшее время сохранение европейских государств, действующих как взаимозависимые агенты в наднациональном интеграционном поле, будет зависеть от соотношения и восприятия в сознании избирателя, экономических выгод от сепаратистских обособлений и предсказуемых последствий от внешних рисков. В свете сказанного сохраняет актуальность концепция выдающегося политического философа Александра Панарина, закрепляющая антагонизм двух сценариев постмодерна – «цивилизационного» и «геополитического». Первый из них постулирует упорядоченный, структурированный мир с возвышающейся над ним надгосударственной суперсистемой, подчинение которой создает стабильное пространство предсказуемости. Геополитический сценарий исходит из прогнозирования другой реальности, в которой государства – изолированные организмы ведут борьбу за выживание.

У центров управления интеграциями, независимо от их расположения в Брюсселе, Москве, Пекине или Бразилиа, существует последовательная логика цепной передачи суверенитета. Сначала монополию на власть и насилие необходимо передать государству, а оно, в свою очередь, передаст ее вместе с большей частью суверенитета в наднациональные институты. В складывающейся ситуации европейские структуры

---

¹³ Несмотря на проигрыш сторонников независимости на референдуме 18 сентября 2014 г., высока вероятность дальнейшего обострения отношений между Лондоном и Эдинбургом. Не исключено, что в Великобритании намечается беспрецедентное изменение государственного устройства: от монархии - к конфедерации.

¹⁴ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.2007 С.71

пытаются препятствовать сепаратизму путем институциональных угроз. Показательны слова европейского экс-комиссара по вопросам торговли и юстиции Вивиан Реддинг по поводу референдума в Каталонии: «Спустя мгновение после объявления итогов выборов в пользу независимости, жители Каталонии окажутся вне ЕС, вне системы евро и без европейского гражданства». Идеология Брюсселя прослеживается в высказываниях испанских властей, которые неоднократно подвергали сомнению будущий статус Шотландии в ЕС в случае успеха референдума о независимости. В определенной мере политическая практика борьбы с сепаратизмом в ЕС служит иллюстрацией рассмотренного выше теоретического подхода «либеральной межправительственной школы».

Таким образом, экономическая регионализация Европы все сильнее попадает в зависимость от внешних геополитических рисков, многие из которых являются не просчитанными последствиями глобализации. Среднесрочная перспектива внутри интеграционных пространств выглядит следующим образом. Вовлеченные страны, осознавая собственную уязвимость, будут все чаще принимать решения, побуждающие к наднациональным политическим действиям. При этом возможности маневра для небольших стран и субрегионов будут сокращаться. Состоятельным европейским квазигосударствам, нацелившимся на независимость, придется делегировать полномочия. Возможно, в ущерб локальному ВВП и высокой покупательной способности. А крупные экономические метрополии – интеграционные центры, используя сочетание внешних геополитических и внутренних институциональных угроз, будут удерживать их в орбите влияния.

Таким образом, соотношение рисков закрепляется в пользу внешних факторов. В том числе, в форме угроз: от периферийных геополитических конфликтов до экономических шоков. Эта ситуация может быть описана в терминах «победы политики над экономикой» с точки зрения конкуренции соответствующих факторов в интеграционных системах.

***

Устойчивый интерес исследователей интеграционных систем вызывает соотношение, зависимость и степень взаимной детерминации в них «экономического» и «политического». Отдельного изучения требует и идеологическая компонента интеграционных процессов.

Рассматривая отношения между государством как политической властью и крупным капиталом как властью денег в терминах «метаборьбы за власть» (У. Бек), исследователи закономерно приходят к вопросам сосуществования, баланса и борьбы национальных и интернациональных систем. Первая из которых отождествляется с классической властью государства, вторая – с ресурсами ТНК и трансграничного капитала в целом. Вопрос имеет фундаментальный характер и, по сути, постулирует начало пересмотра правил игры в мировом политико-экономическом пространстве.

Европейский опыт дает достаточные предпосылки для эмпирических исследований трансформации экономической интеграции в политическую. Пример ЕС, как единственной в мире системы, эволюционировавшей до стадии наднациональной политической интеграции, стал идеальной исследовательской моделью. Точкой отсчета начавшегося процесса «политизации» ЕС принято считать 1990-е годы. Именно тогда два ключевых события – запуск механизма единого внутреннего рынка и учреждение экономического и валютного союза – дали значительный «эффект перелива» интеграции в политическую сферу.

Вопрос об интеграционном взаимодействии политики и экономики с точки зрения философии глобалистики может быть сведен к ключевой социоэкономической дилемме Нового времени – соотношения благосостояния с правами человека. Исторически проблема была поставлена во времена накопления капитала и первых шагов развития соответствующей общественно-экономической формации. Современность заставляет отвечать на этот вопрос с акцентами постмодерна. Однако принцип «социоэкономической дилеммы» интеграции остается прежним.

Как представляется, можно говорить о двух допущениях. Первое состоит в том, что экономический рост и производное от него благосостояние делают привлекательными и закрепляют в обществе права человека и демократические ценности. Другая точка зрения предполагает обратное: демократизация и права человека являются первичными и необходимыми предпосылками для расцвета экономики.

Здесь необходимо, зафиксировать важность цивилизационного и политико-культурного контекста. Очевидно, что экономическая интеграция и институт политики по-разному соотносятся в обществах в зависимости от социальных и исторических традиций. Важную роль играют и модели политической культуры. Западная, латиноамериканская, восточноазиатская и евразийская (по локации основных интеграционных центров современности) политические культуры содержат разные, зачастую противоположные трактовки соотношения политики, экономики, идеологии.

Например, исследователи, придерживающиеся практики сравнительного анализа при изучении интеграционных процессов, отмечают, что в азиатских обществах политика является прерогативой господствующей элиты и практикуется в качестве патронажно-клиентских отношений и неформальных, практически непроницаемых для общественного мониторинга элитных сообществах. Открытая политическая конкуренция приравнивается к нарушению социального порядка. Одной из задач, которую решает восточноазиатский подход к интеграции является ограничение взаимозависимости стран-участниц интеграционного процесса сферой экономики, сохраняя полный государственный суверенитет и практикуя невмешательство по идеологическим мотивам во внутренние дела.¹⁵

Заметим также, что в экономических интеграционных системах, формируемых режимами, склонными к авторитаризму в различных его подтипах (посттоталитаризм,

---

¹⁵ Смоляков В. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2010. № 3. С. 25

конкурентный и консолидированный авторитаризм, бюрократический авторитаризм, гибридные режимы и т.д.¹⁶) наблюдается другой показательный феномен – изъятие из интеграционных соглашений стратегических отраслей экономики, которые прямо или опосредованно контролируются властными элитами через сети высшего государственного менеджмента. В определенной степени это характерно и для евразийской реинтеграционной системы, о которой речь пойдет далее.

Оригинально трактует проблему Ульрих Бек. Пытаясь найти степень корреляции между политическим и экономическими началами в интеграционных системах, немецкий макросоциолог ставит ряд вопросов, связанных с будущими структурами глобального управления и экологическим императивом. Является ли, например, законным инструментом исключение из какой-либо зоны свободной торговли стран, нарушающих демократические правила игры и Декларацию прав человека? Можно ли обязывать государства – члены некой зоны свободной торговли – соблюдать нормы экологического режима? Можно ли принятия решения об экспорте и импорте поставить в зависимость от степени соблюдения прав человека и экологических норм?¹⁷ Очевидно, что каждый из вопросов требует дополнительных исследований в полидисциплинарной парадигме, объединяющей такие науки, как политология, глобалистика, экополитология, социология международных отношений.

Сосредоточим внимание на анализе несколько точек зрения на соотношение политического, экономического и идеологического начал в интеграционных системах. Фактически, это попытки ответить на вопрос о том, что детерминирует интеграцию, определяет ее качество и глубину: экономика, политика или идеология? Отметим также самостоятельность и перспективность исследования проблемы трансформации политических систем в интеграционных блоках.

Выделим два подхода, которые условно можно назвать версиями детерминированной интеграции, являющимися наднациональными моделями управления. Дилемма Нового времени, перенесенная в современность, диктует новое прочтение старых гипотез. Первая из них состоит в том, что интеграция поддерживает и сопровождает появление устойчивых демократических форм политических систем. Согласно этой версии рост, основанный на расширении экономического взаимодействия и взаимозависимости как основного интеграционного эффекта, укрепляется единством модернизирующихся политических систем. В рамках этой модели, исследуемой, в том числе, и российскими учеными, «экономика предшествует политике».¹⁸ Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая передачу надгосударственному бюрократическому аппарату избранные компетенции, не затрагивающие, однако, все экономические, политические и социальные практики.

---

¹⁶ О дефинициях режимов см., в частности: Levitsky Steven, Way Lucan A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge university press 2010. P. 12-13. Общим для всех разновидностей подобных систем является практика различного рода ограничений в демократическом участии, в том числе, в электоральных процессах.

¹⁷ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.2007 С.396

¹⁸ См. например: Воскресенский А. Социальные порядки и пространство мировой политики //Полис №2 2013. С.8

По канонам первой гипотезы строилась интеграция в Северной, Центральной и Южной Америке (НАФТА, АЛБА, МЕРКОСУР) и Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Западные ученые (А. Пшеворски, М. Алварес, Д. Робинсон) подтверждают её теориями, описывающими региональную экономическую кооперацию во второй половине прошлого века. На базе этой модели, с учетом плюсов и минусов европейской интеграции, основана и стратегия объединения постсоветского пространства, приведшая элиты трех стран к созданию ЕАЭС.

Вторая гипотеза детерминированной интеграции основана на допущении обратной причинной связи, при которой «политика предшествует экономике». В этом случае, интеграция начинается с модернизации политических институтов (как правило, через процессы «быстрых транзитов»), ускоряющей экономическое развитие. Адепты такого подхода утверждают, что укрепляющееся политическое единство приводит к снижению национальной конкуренции и гармонизирует суверенитеты, «поднимая» их на надгосударственный уровень.

Эмпирические данные политической транзитологии дают возможность предположить, что второй вариант работает для малых стран под большим «демократическим зонтиком». Наиболее релевантным примером являются демократические транзиты стран Центрально-Восточной Европы и Балтии конца 1980-х – начала 1990-х годов. В России в этот период в политической элите модель отстаивали Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс.

В настоящее время систем, строго детерминированных экономикой, политикой или идеологией на стадии создания не существует. Тем более, что второй вариант, примером которого являются страны ЦВЕ и Балтии, представляет собой беспрецедентный в истории интеграции переход «из системы в систему». По поводу генезиса МЕРКОСУР, важности политических и экономических факторов при его образовании также существуют различные мнения, рассматриваемые ниже. Поэтому правильнее говорить о вариативном соотношении политики и экономики в уже существующих объединениях. Прежде всего это связано с ускоряющимися изменениями интеграционных систем под действием связанных факторов глобализации. Соответственно, меняется соотношение между вершинами «интеграционного треугольника».

При исследовании этого соотношения авторам представляется более убедительной точка зрения, признающая детерминанты политических интересов в региональной интеграции. Однако сложность процессов иллюстрирует обратная сторона вопроса. Исследователи обращают внимание на то, что политический контекст может становиться не только ускорителем, но и препятствием для интеграции, несмотря на очевидные выгоды. Предположение, трудно проверяемое эмпирически, но заслуживающее внимание в качестве экстраполяции на процессы постсоветской интеграции, где наднациональные инициативы исходят не столько из предпринимательской среды, сколько от высшего политического руководства стран.

Что касается западноевропейской интеграции, то ряд исследователей обращают внимание на то, что исходными импульсами послевоенной интеграции были не столько

экономические, сколько политико-психологические предпосылки. Задачи экономического восстановления и сотрудничества выступали изначально скорее маскировкой военно-политических страхов.¹⁹ Важность политического фактора иллюстрирует пример СЭВ, распавшегося буквально за несколько дней после ликвидации соответствующей надстройки.

Кроме того, в интеграционных системах надо учитывать взаимозависимость внутренней политики государств-партнеров, выделяя первичность политического управления. В мировом взаимозависимом пространстве политические кризисы и неэффективность государственного управления затрагивают не только национальные бизнес - элиты и собственных граждан, но и других участников интеграционных систем, объединенных партнерскими отношениями.

Не случайно исследователи пространственного измерения глобализации часто наделяют транснациональные пространства политическими качествами. Это связывается с будущей топологией мирового развития, аргументируется, что транснациональные политические пространства окажутся важнейшей формой организации глобальных аспектов деятельности человека, обществ и государства. Среди таких пространств ключевая роль будет принадлежать политическому как сфере, в которой пересекаются объективные процессы и закономерности больших инерционных систем и субъективные устремления конкретных социальных групп.²⁰

Без должного внимания оставлена и ключевая проблема воздействия институтов управляющих центров интеграции на политические системы стран-участниц. Зафиксируем гипотезу о том, что такое влияние существует во всех современных интеграционных системах. Особенно ярко это проявляется на примере функционирования ЕС. В разной степени оно присутствует в ЕАЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН, АЛБА, Тихоокеанском альянсе и других блоках. Так некоторые исследователи латиноамериканской интеграции считают, что МЕРКОСУР появился на свет не столько по экономическим, сколько по политическим соображениям. Главной целью пришедших к власти демократически избранных правительств стало сохранение политических систем после демонтажа военных диктатур. Отсюда преимущественная забота о поддержании в государствах блока демократического правопорядка, защите соответствующих ценностей. Нарушение этого принципа несовместимо с принадлежностью к МЕРКОСУР.²¹ Именно после прихода к власти аргентинского лидера Рауля Альфонсина, сделавшего во внутренней политике ставку на демократизацию и обеспечение прав человека, острое региональное соперничество Аргентины и Бразилии сменилось на сотрудничество. В августе 1986 г. было подписано соглашение об интеграционном союзе двух крупнейших стран Южной Америки, заложившее основы интеграционного расширения до рамок МЕРКОСУР.

---

¹⁹ Байков А. Сравнительная интеграция. М.2012 С.22

²⁰ Транснациональные политические пространства: явление и практика. М. 2011 г. С. 51-55

²¹ Семенов С. Преображение «нации» в Латинской Америке. Национальная идея: история, идеология, миф. М. РАН. 2004 С. 218

Одним из самых интересных и дискуссионных вопросов является соотношение между глубиной интеграции и однородностью политических систем. В том числе, в современной российской политологии. При этом однотипность не всегда отождествляется с демократичностью. Большинство исследователей констатируют, что интеграция политически подобных стран развивается быстрее и имеет более устойчивый характер, чем сближение стран с различными политическими системами. Этот тезис в равной мере кажется справедливым для Западной Европы, Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства. Таким образом, можно предположить, что политическая однородность – одно из ключевых условий успешной интеграции. Но допустима и иная гипотеза, высказанная российским исследователем А. Байковым: формирование политической однородности – не начальная точка интеграции, а один из ее возможных, но не обязательно главных результатов.²² Не опровергая ни одну из точек зрения, отметим, что вопрос содержит достаточный эмпирический потенциал для исследований.

К числу малоизученных вопросов следует также отнести становление и развитие идеологии в интеграционных системах. Образ привлекательного будущего, общего для всех агентов системной интеграции, немыслим без идеологической составляющей. Без неё практически невозможен упоминаемый выше эффект «spillover», распространяющийся на области права, науки, образования, культуры и наделяющий наднациональную кооперацию комплексными качествами. Только в этом случае можно говорить об устойчивости интеграционной системы и ее мировых перспективах. Проблема имеет тесную взаимосвязь с политической составляющей интеграционных процессов. При ряде условий общее пространство ценностей, ответственности и деятельности по аналогии с национальным пространством может, хотя и не всегда, способствовать политическому взаимодействию между народами.

Конструирование образа успешной глобальной идентичности на основе интеграционной идеологии может происходить через популярные сегодня в качестве объектов изучения политической науки стратегии «мягкой» и «умной» силы (soft and smart power). Очевидно, что эти понятия можно применять не только к отдельным государствам, но и к экономическим и политическим альянсам. Борьба «за умы и сердца» инвесторов, транслирование вовне успешных макроэкономических паттернов (как примеров для подражания) становятся ключевым элементом конкуренции интеграционных систем. В этом контексте уместно вернуться к проблематике южноамериканской интеграции. Анализируя пример МЕРКОСУР, можно указать на заинтересованность в «политической идеологизации» объединения со стороны Бразилии. Руководство страны, рассчитывая на формирование притягательной идеологии для широких слоев населения, неоднократно ставило вопрос о выработке проекта общего парламента блока на основе прямого голосования. Принцип прямого гражданского участия в процессе надгосударственного сотрудничества используется бразильскими элитами как мотивационный электоральный фактор, в том числе, во внутренней политике.

23

---

²² Байков А. Сравнительная интеграция. М.2012 С.232

²³ В парламенте МЕРКОСУР каждое государство представлено девятью депутатами и девятью сенаторами, назначаемыми национальными конгрессами.

В качестве предварительного вывода можно констатировать недостаточное внимание к политическому контексту, который предположительно остается определяющим в большинстве интеграционных моделей. Лозунг «геоэкономика отменяет политику», поспешно зафиксированный рядом авторов в начале 90-х гг. прошлого века, не выдержал испытание временем. В том числе, из-за возрастающей важности идеологического компонента в интеграционных системах, который по своей природе ближе к политической, а не экономической сфере. Сохраняют свое значение и геополитические факторы, обусловленные обостряющейся конкуренцией за природные ресурсы и способные менять политический и экономический статус государств. Показательно также, что расширение Евросоюза, официально обеспеченное строго экономической логикой, спустя несколько лет оценивается уже более реалистично. Становится очевидным, что политика и идеология в этом процессе значительно опередили экономику, разрушив Маастрихтскую модель управления и сделав затянувшийся кризис «новой нормальностью» Европы. Достаточный пример актуальности исследования взаимного соотношения вершин «интеграционного треугольника» – политики, экономики и идеологии. В том числе, в крупнейшей реинтеграционной системе на постсоветском пространстве – Евразийском экономическом союзе.

***

ЕАЭС, закрепленный в международном правовом поле с 1 января 2015 г., получил статус международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.²⁴ Среднесрочную цель евразийской интеграции, вступившей в активную фазу с 2010 г., со времени создания Таможенного союза, можно определить как создание конкурентоспособной транснациональной интеграционной системы.

Новая волна экономической кооперации на пространстве бывшего СССР имеет принципиальное отличие от других форм регионального сотрудничества в мире. Процессы носят реинтеграционный характер и во многом ориентированы на воссоздание утраченных связей. С точки зрения перспектив и рисков постсоветской интеграционной системы эта особенность придает процессу амбивалентный характер. С одной стороны, очевидны преимущества. Сохранившиеся экономические связи, общее инвестиционное, социальное, культурное и лингвистическое пространство. Однако с другой точки зрения, обретение независимости бывшими советскими республиками изначально было связано с фобиями ее утраты. Одним из следствий этого является «парадокс постсоветской интеграции», при котором осознанию объективной необходимости сотрудничества сопутствует нежелание усиливать элементы наднациональности, заведомо ограничивая глубину интеграции.²⁵ Кроме того, разница экономических потенциалов акторов интеграции и социальная дифференциация продиктовали перенос на постсоветское поле

---

²⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. Ст.1, п.2
<http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>

²⁵ Подробную аргументацию см.: Либман А. Политические барьеры для экономической интеграции на постсоветском пространстве. // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 11. С.175-178.

со второй половины 2000-х гг. моделей «многоуровневой» и «разноскоростной» интеграции, апробированной в ЕС.

Политическое измерение евразийской интеграционной системы связано с исходящими из Москвы попытками создания модели надгосударственного парламентаризма. До определенного времени сотрудничество шло в рамках двух Межпарламентских Ассамблей – ЕврАзЭС²⁶ и СНГ. Но в сентябре 2012 г. представители парламентов Беларуси, России и Казахстана обсудили в Москве создание общего парламентского органа в рамках Таможенного союза трех стран. Тогда же был запущен процесс создания рабочей группы по вопросам парламентского измерения евразийской экономической интеграции. Планировалось, что положение о Евразийском парламенте войдет в Договор о ЕАЭС. Однако белорусская и казахстанская стороны блокировали дискуссии, которые напрямую касались существенных вопросов функционирования будущего Евразийского парламента. Оппортунизм партнеров России по интеграционной системе связан с опасениями делегирования части компетенций национальных органов наднациональным институтам и, как следствие, ограничение государственного суверенитета. После этого Москва заняла более осторожную позицию. Как следствие, в содержании Договора о ЕАЭС, институциональную часть которого вырабатывали МИДы трех стран, отсутствуют упоминания о перспективах политической интеграции в рамках ЕАЭС. Прогнозируя возможные риски, в Договоре намеренно используется термин «евразийская экономическая интеграция», а не «евразийская интеграция», содержащий наднациональные политические коннотации.

Социальноэкономическая дилемма интеграции, рассмотренная выше, в рамках ЕАЭС определенно решена в пользу экономики. Это последовательно акцентируют политические лидеры стран. Соответствующего подхода придерживается и российское академическое большинство. При этом подразумевается первая модель («экономики, предшествующей политике»), согласно которой политическая модернизация стран по отдельности и ЕАЭС в целом будет взаимозависимо возрастать при условиях экономического роста и повышения уровня благосостояния. Преобладающее сегодня мнение состоит в том, что в ходе интеграции участие в переговорном процессе бизнеса, экспертного сообщества, общественных объединений расширяет базу демократизации и формирует более восприимчивую политическую среду. В результате адаптации политических режимов к формирующимся рыночным экономическим институтам появляются демократические институты и практики, углубляющие интеграционные процессы».²⁷

Отдельно следует указать на недостаточное внимание в академическом и экспертном сообществе к политическим рискам евразийской интеграции. Среди главных макрополитических рисков необходимо отметить повышенную степень персонализации управления интеграционными процессами в странах ЕАЭС, включая Армению.

---

²⁶ В связи с началом функционирования ЕАЭС с 1 января 2015 г., принято решение о ликвидации ЕврАзЭС и его Межпарламентской Ассамблеи.

²⁷ Баранов Н. Евразийская интеграция в контексте формирования политических режимов // Управленческое консультирование. 2013. №10 (58). С.71-77.

Определяющим, в частности, является риск преемственности президентской власти. Эрозия сложившихся моделей системной консолидации вокруг определенных фигур – своеобразный феномен интеграционного «цезаризма» – может угрожать всему евразийскому проекту. Российский политолог Андрей Рябов аргументирует это следующим образом. Постсоветские подходы, основанные на верхушечных договоренностях, делают интеграционные проекты слишком уязвимыми и зависимыми от множества переменных и «субъективным фактором». Нет уверенности в том, что на уровне обществ России, Казахстана и Белоруссии уже сложился общенациональный консенсус в отношении целей и задач Евразийского экономического союза. Более того, нет уверенности в том, что он существует на уровне правящих элит, например, в Казахстане.²⁸ Зарубежные исследователи отмечают, что после неизбежной смены высшего руководства темпы интеграции могут замедлиться или снизиться до «нулевых скоростей», запустив механизм политической и экономической реконфигурации всего постсоветского региона.²⁹ С экспертной точки зрения можно отметить, что данные факторы существенно затрудняют объективный анализ и нормативное моделирование интеграционных процессов.

Практически не изучаются и внутривнутриполитические риски евразийской интеграции. Здесь необходима концентрация на следующих важных параметрах государств – агентов интеграционных систем. Эффективность государственного управления, «качество» бюрократии, ограничение президентской и исполнительной власти, свобода слова и ассоциаций, парламентское влияние на интеграционные позиции стран (в частности, индекс парламентских полномочий) пока упускаются из виду исследователями.³⁰ В исследовательском контексте евразийской интеграции очевидна необходимость как минимум индексировать страны ЕАЭС по данным параметрам.

К имманентным рискам евразийской интеграции относится неустойчивость ее «смысловой платформы» – комплекса идеологем, привлекательных не только внутри, но и за пределами интеграционного образования. Дефицит проявляется особенно ярко в сравнении с ценностными основами ЕС, официально закрепленными в Конституционном договоре. Как справедливо замечает Ольга Буторина, субъекты любой интеграции должны, как минимум, иметь общее представление о настоящей и будущей глобальной идентичности.³¹ Конкурентоспособные интеграционные системы должны быть не только экономическими и политическими, но и «смысловыми». В последние годы в России ряд структур, созданных по инициативе власти, целенаправленно работают над конструированием идеологии евразийского проекта. В рамках официальной доктрины деятельность ведется по каналам публичной дипломатии с помощью современных

---

²⁸ Рябов А. Россия на постсоветском пространстве: лидер интеграции или партнер поневоле? // Повестка дня нового президентства М. 2012 С.21-22

²⁹ Например: Vardanyan Lilit. La Russie de Vladimir Poutine et l'intégration économique de l'espace post-soviétique // Etudes 2013 №2/December P.27-43; Popescu Nicu. Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. // Chaillot Papers (The European Union Institute for Security Studies) № 132 (September 2014)

³⁰ В российской политологии эти показатели исследуются пока преимущественно в других контекстах. См. Петрухина М. Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации // Журнал «Политическая наука». 2012. № 3. С. 214-247

³¹ Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис 2005. № 3 (13).

медиа-технологий, но зачастую с преобладанием элементов пропаганды. Формирование общественных смыслов интеграции подобными методами заставляет вспомнить известный тезис Юнгера Хабермаса об идеологии как «систематически искажаемой коммуникации». При этом игнорируется тот факт, что классическая публичная дипломатия осуществляется *независимыми* от государства организациями в пространстве полноценного гражданского общества. Альтернативные модели политического развития создают дефицит достоверности и международного доверия, полноценной глобальной легитимации ЕАЭС. Именно в таких ситуациях и возникает подмена «мягкой силы» пропагандой. Это способствует формирующемуся феномену «евразоскептицизма» (по аналогии с европейской интеграцией), закрепляющемуся в качестве оценочного восприятия евразийской интеграции.³² При этом популярный миф о евразийской интеграции как «воссоздании СССР» требует сопоставления Советского Союза и ЕАЭС по параметрам идеократии. Даже первичный эмпирический анализ показывает, что советский идеологический проект при всей его специфике был в значительной степени футурологическим - ориентированным на будущее. Сегодняшний неодикурс, сопровождающий процесс евразийской интеграции апеллирует, скорее, к прошлому. Причем, с национально-консервативной геополитической интерпретацией.

Тем не менее, после легитимации ЕАЭС на международном уровне можно ожидать переформатирования идеологической системы евразийской интеграции. С учетом внешнеполитического контекста, заданного трагическими событиями на Украине, важно, чтобы идеологическая стратегия, конструируемая в рамках ЕАЭС российскими элитами, не способствовала развитию политической и экономической автаркии объединения, и закреплению его глобального статуса в качестве «закрытой» интеграционной системы.

Резюмируя заключительную часть работы, сфокусированной на евразийской интеграции, необходимо отметить следующее. В ЕАЭС как реинтеграционной системе, сложившейся на постсоветском пространстве, присутствует ряд имманентных рисков. Прежде всего, политических, требующих не только теоретической формализации, но моделирования и предупреждения, экспертных заключений на основе анализа интеграционной практики. Несмотря на то, что на официальном уровне декларируется деполитизированная модель интеграции («экономика предшествует политике»), наибольшая опасность подстерегает евразийский интеграционный проект именно в политических пространствах. А дефицит идеологического обеспечения и наднациональной «мягкой силы» создает ситуацию, когда интеграционная система заранее собирается из частей, ни одна из которых не воодушевлена общими для всех политическими и ценностными нормами. Только устранив риски, связанные с политическими факторами и дефицитом привлекательных, конкурентоспособных идеологов, Евразийский экономический союз может претендовать на место в высших стратах глобальной иерархии интеграционных систем, не допустив консервацию планетарного неравенства между ними.

***

---

³² Винокуров Е. Евразоскептицизм. Нужно ли его бояться? //Россия в глобальной политике. №1. январь-февраль 2014.

Заключительные выводы можно суммировать следующим образом.

Девальвированная однополярная система становится частью истории. На смену ей в условиях глобальной динамики приходит новая геоэкономическая модель, определяемая ведущими тенденциями к политической и экономической дифференциации мира. Новыми пакцентрическими полюсами станут интеграционные системы, эндогенные процессы и мощь которых будут зависеть от сочетания трех основных факторов – вершин «интеграционного треугольника» – политики, экономики, идеологии. В настоящее время в интеграционных системах устаревает принцип классического детерминизма по формуле «экономика предшествует политике» или - наоборот. Дилемма Нового времени, описанная в статье, в чистом виде уже не возможна. Функционирование и успех систем определяется сложной взаимосвязью трех вышеназванных факторов.

С точки зрения ранжирования системы будут выстроены в глобальную иерархию, которая, по-видимому, закрепит социально-экономическую поляризацию планеты. Конкуренция между системами за экономические и политические пространства будет неуклонно расти. В ближайшем будущем наиболее адекватной характеристикой планетарной структуры может стать интеграционно-конфронтационный полицентризм.

Интеграционные системы способны формировать политические пространства. Одно из основных условий этого заключается в росте политической компоненты интеграционных процессов. При этом требует изучения воздействие институтов управляющих центров интеграции на политические системы стран - участниц. В прямой или опосредованной форме такое влияние присутствует во всех интеграционных системах современности. С этой точки зрения и в целом, с ростом политической компоненты интеграции особую актуальность приобретает проблема исследования политических рисков внутри интеграционных систем. Необходимость повышенного внимания к политическим параметрам государств – агентов интеграции хорошо иллюстрирует пример постсоветской реинтеграционной системы, являющейся носителем ряда имманентных политических рисков.

Значительный потенциал для исследований содержат вопросы складывания и генезиса идеологии в интеграционных системах. Наряду с экономической и политической составляющей идеологическая основа является необходимым условием устойчивости интеграционных систем, их успешной конкуренции в глобальном пространстве. Важно, чтобы идеологическая аргументация интеграции задавалась не только элитарными группами в управляющих центрах, но и импульсами гражданского населения. Складывающиеся «системы интеграционных убеждений» дают основания при анализе в парадигме постглобалистики применять категории «мягкой» и «умной» силы по отношению к интеграционным системам.

Наконец, комплекс ключевых вопросов заключается в том, могут ли интеграционные системы способствовать преодолению кризисов, подобных произошедшему в 2008 году? Способны ли они в принципе устранять первопричины глобальных кризисов? Ограничивать сверхпотребление планетарного меньшинства,

снижать волатильность рынков, не допускать критического роста суверенных долгов, соблюдать экологический императив, способствовать внедрению энергосберегающих технологий, совершенствовать механизмы согласования национальных интересов через надгосударственный консенсус? Действительно ли внутри больших систем каждая страна получает шанс быть услышанной в верхних стратах мирового управления, или декларирование такой возможности является уловкой государств - лидеров интеграции? Насколько реальна опасность диктата со стороны наднациональных центров управления кооперацией, устранение государственных суверенитетов, ведущее к мировой интеграционной олигократии? Поиск ответов на эти вопросы открывает широкие перспективы для будущих исследований в новом многообразии мира конкурирующих интеграционных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКИ

1. Байков А. Сравнительная интеграция. М.2012
2. Баранов Н. Евразийская интеграция в контексте формирования политических режимов // Управленческое консультирование. 2013. №10 (58)
3. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.2007
4. Борко Ю. Свет и тени европейской интеграции//Россия в глобальной политике. №1. 2007
5. Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис 2005. № 3 (13).
6. Валлерстайн И. После либерализма. М. 2003
7. Винокуров Е. Евразоскептицизм. Нужно ли его бояться? //Россия в глобальной политике. №1. январь-февраль 2014.
8. Воскресенский А. Социальные порядки и пространство мировой политики //Полис №2 2013.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе.
<http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>
10. Костин А., Изотов В. Глобальный кризис в зеркале мировой политики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009 № 5.
11. Либман А. Политические барьеры для экономической интеграции на постсоветском пространстве. // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 11.
12. Петрухина М. Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации // Журнал «Политическая наука». 2012. № 3.

13. Рябов А. Россия на постсоветском пространстве: лидер интеграции или партнер поневоле? //Повестка дня нового президентства М. 2012.
14. Семенов С. Преображение «нации» в Латинской Америке. Национальная идея: история, идеология, миф. М. РАН. 2004
15. Смоляков В. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей)// Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2010. № 3.
16. Транснациональные политические пространства: явление и практика М. 2011.
17. Цыганков П.А. Международные отношения. М. 1996.
18. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Хрестоматия. М. 2002.
19. Caporaso James A. European Union: Dilemmas of European Integration. Colorado 2000.
20. Ferguson Niall. A world without power. Foreign Policy, July/August 2004.
21. Haas E. Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organisation. Stanford. 1965.
22. Levitsky Steven, Way Lucan A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge university press 2010
23. Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics // National Interest. 1990. №20.
24. Luttwak E. Turbo-Capitalism, London. Orion Books. 1999.
25. Marder Michael. Rating Sovereignty
<http://www.humanitariannews.org/20121112/rating-sovereignty>
26. Popescu Nicu. Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. // Chaillot Papers (The European Union Institute for Security Studies) № 132 (September 2014)
27. Risse Thomas. Neo-Functionalism, European Identity, and the Puzzles of European Integration Journal of European Public Policy 2005. №12.
28. Rosenau James, Czempiel Ernst. Governance without Government. Order and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1992.
29. Vardanyan Lilit. La Russie de Vladimir Poutine et l'intégration économique de l'espace post-soviétique // Etudes 2013 №2/ December.